

Мария Каменецкая

Сахар на дне чашки

Повесть, рассказы

Мария Каменецкая

Сахар на дне чашки.

Повесть, рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9638063

ISBN 978-5-4474-0844-2

Аннотация

В дебютный сборник вошли тексты, написанные в разные годы: как впечатление от длинных дальних путешествий, как отклик на наблюдения за жизнью и как попытка увидеть себя.

Несмотря на пеструю стилистику текстов, включенных в сборник, их объединяет образ человека, который потерялся, заблудился, забыл (временно или навсегда) дорогу к дому, волей-неволей оставшись наедине с миром.

Содержание

Пропала подруга	5
Август	5
Февраль	30
Апрель	33
Пропажа и начало поисков	38
Лиза, беспомощная и всемогущая	48
Миша, который всё знает	55
Танин голос	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сахар на дне чашки

Повесть, рассказы

Мария Каменецкая

© Мария Каменецкая, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пропала подруга

Август

В тот год, когда Таня окончила первый курс и еще надеялась, что второй принесет ей больше радости, в августе выпал снег, белый и мелкий. Снег падал неделю, целясь строго в район между Дибунами и Зеленогорском, перепугав дачников и нарушив планы – и тех, кто копался в огороде, и тех, у кого на веранде мариновалось мясо для шашлыков, и тех, кто хотел только гамака и книжки, и тех, кто планировал вечернее пиво на берегу залива.

Снег падал неделю и растаял за одну ночь. Вернулось сносное тепло и темно-зеленая августовская трава. Но ощущение несуетности, благодатной лени не вернулось – исчезло. Дачники, не сговариваясь, провели остаток сезона в тревожном ожидании, что с неба свалится еще какой-нибудь сюрприз.

На заливе было пустынно. Запах жареного мяса доносился только издалека.

Дачники сидели дома и провожали взглядом каждую проезжавшую машину. За закрытыми дверями они дочитывали романы, вешали грибные гирлянды, штопали сарафаны и шорты.

Танин день рождения – как раз в конце августа. Тане исполнилось девятнадцать лет.

«Больш-а-ая!» – пропела мама за неделю до события, глупо захлопав в ладоши, как будто это ей сейчас стукнет девятнадцать.

– Дочурка, выбирай: я могу тебе подарить набор косметики для молодой кожи, а могу подарить сертификат, чтобы ты сама купила, что хочешь, – пела мама.

– Дай деньгами, – сказала Таня.

– Но ты же девочка! – воскликнула мама.

– И? – угрюмо уточнила Таня, – Если хочешь порадовать девочку, порадуй деньгами.

И мама в который раз удивилась тому, как у нее, привлекательной, веселой, очаровательной женщины, получилась такая невзрачная и хмурая дочь.

– Коктейль у золотого Ленина, – объявила Таня на Skype-видеоконференции.

Они часто там встречались, в парке Лесгафта, у золотого Ленина. Приходили, смотрели на придурка, облитого золотой краской, и ржали. Им всем – Тане, Ланке, Мише, Денису и даже истеричке Лизе, нравился парк. Старые огромные деревья, корнями прорывающие асфальт, опустевшие дома, заброшенные физкультурные корпуса, проходные подъезды

и темные, даже в июне темные, дворники. «У золотого Ленина» можно было сидеть верхом на скамейках, орать, ругаться и смеяться. Никто не лез, никто не учил жизни, не приставал с разговорами – такие вот люди обитали в парке.

...А на выходных, размечталась Таня, они с Ланкой покуролесят в каком-нибудь баре. На языке Тани и Ланы «покуролесить» значило: подцепить парней, угоститься напитками, всучить им номер телефона и уехать домой нетронутыми.

Ланка – красотка: волосы, наряды, бусы. У Ланки улыбка, как у феи. У Ланы есть квартира с ремонтом; она туда всежится, когда получит диплом менеджера по социально-культурному сервису.

Таня рядом с Ланой всегда «а вот еще моя подружка». Впрочем, это лучше, чем «наша Таня громко плачет», любимая дразнилка Таниной бабули.

– Коктейль у золотого Ленина. И чипсы, – Таня огласила программу еще раз, когда к вилеоконференции подключилась Лана.

– No way! – сказала Лана.

И остальные тоже сказали:

– No way! Фу. Не айс. Где твоя фантазия, Ломакина?

– Зайка, мы все решили за тебя, – ласково сказала Лана. – Мы едем на шашлыки.

Таня знала: они вряд ли будут дружить долго. Таня про-

рочила так: когда они – Ланка, Диня, Миша, Лизавета и она, Таня, – перестанут встречаться ненарочно, в институте, то и нарочные встречи прекратятся тоже.

Их дружба была легкой, простой и ненавязчивой. Не такой, как в пословицах и присказках о благородстве, выручке и беде. Миша, самый начитанный из них, сформулировал заповедь их дружбы: не напрягай ближнего своего.

Встреча была назначена на 14.00 у метро «Удельная». Таня опаздывала.

Она решила выглядеть не хуже Ланки и Лизки, но точно сама не знала, какого «не хуже» добивается. Поэтому долго принимала ванну, мучительно долго выбирала одежду («Где мой сарафан? – Какой? – Ну какой?! У меня один сарафан!»), не спеша причесывалась и несколько раз подводила глаза, так, чтобы линия карандаша была прямой и четкой; потом смывалась и красилась заново.

В итоге Таня явилась в белом тонком сарафане, единственном и самом красивом, в туфлях-балетках, уже однажды склеенных. На каждом запястье – по два браслета, в ушах – серьги в форме рыб. Поверху красоты – джинсовая куртка, не очень чистая и не очень подходящая, но куртка тоже была одна. Танины глаза блестели зеленым перламутром и оттенялись черной, густо намазанной тушью.

Миша вежливо сказал: «Прекрасно выглядишь»,
«Ну-у!» – сказал Дениска и обнял Таню.

Девочки повизжали: «Хорошая наша!».

Много раз потом Таня прокручивала всю эту минуту – как она вышла из метро, как помахала рукой, как они удивились, как девочки рассматривали и восхищались – единственную минуту, прилетевшую из самого космоса, когда Таня чувствовала себя красивой и важной.

Дениска и Миша выпрыгнули из пригородной электрички, погромыхивая мангалом, вином и маринадом в рюкзаках. Денис галантно подал руку девочкам. Девочкам было поручено нести пакеты с соком, овощами и бумажной посудой. Пока жизнь была без бед, их дружба сияла.

– Куда сейчас идти? Кто-нибудь знает, куда идти? – беспокойно спросила Лизавета, едва сойдя на платформу «Солнечное» и приняв лисьим носиком к новому воздуху.

– Разберемся! – сказал Дениска, по привычке старший и за все отвечающий, – Я знаю пару мест.

Лана и Таня переговаривались о чем-то полупшепотом, и Лана до того внимательно слушала, что машинально полезла в пакет, достала банан и откусила вместе с кожурой.

Миша сунул в ухо наушник – так, чтобы только частично слышать происходящее вокруг. Миша не очень-то жаждал залива, он бы лучше почитал на диване, но оставаться дома с родителями он не хотел еще больше. Друзья хотя бы не ели мозг и не требовали, чтобы он «разговаривал нормально». Скидываясь на пикник, Миша дал, как обычно, больше всех.

– А почему нет людей? – продолжала волноваться Лиза, –

А где все люди?

– Мы тебе не люди, что ли? – весело сказал Денис.

– Тут какой-то природный катаклизм недавно был, я что-то такое слышал, – молвил Миша, выбирая мелодию в плетере.

– Какой катаклизм? Какой, какой? Я боюсь.

Лиза вообще часто боялась – что вот-вот случится страшное, а она не будет готова, потому что даже не знает, как выглядит страшное и чего конкретно нужно бояться. Поэтому Лиза много говорила. В общем-то, казалось, что любая мысль, впрыгнувшая в Лизину голову, требовала немедленного рождения в слове. Лиза льстила, ныла, истерила, кокетничала, накаляя страсти до тех пор, пока друзья (обычно Миша) не требовали заткнуться.

Лиза была совсем необидчивой девочкой. На нее можно было наорать и не извиняться: в общем-то, только потому Лизу и терпели.

Миша сказал:

– У тебя опять припадок бешенства? Мокроусова, дура, возьми дядю за руку и не выноси мозг.

Он предложил ей руку, и Лиза, поджав губы и повиснув на Мише, на время затихла.

На платформе, действительно, почти не было людей. Будний день, недавно растаял странный снег, в воздухе растеклась тревожная прохлада. Только двое мужичков без возраста и выражения лиц заедали семечками пиво, сторожа ска-

мейку, не разговаривая и не меняя позы. Казалось, что они здесь всегда, независимо от сезона, дня недели и прочих обстоятельств.

Недалеко от платформы, в кустах, дети в кофтах до колен тихо строили шалаш. Скучала продавщица мороженого. Магазины по дороге на пляж, обычно срывающие куш, торговали остатками овощей и перележавшими пирожками. По лесу бродила женщина с маленькой девочкой; женщина собирала букет из каких-то растений и покрикивала на ребенка: «Куда пошла? Держись рядом! Куда пошла?». Мимо пронесся немолодой бегун в желтых шортах, а за ним следом – собачка, твякая и позвякивая колокольчиком на ошейнике.

На берегу было так же – пусто, прохладно, свободно и оттого странно.

Они расположились на самом козырном месте – так, что и воду видно, и деревья укрывают от ветра, и разлечься можно, как хочешь. Распаковали сумки, кинули пледы, осмотрелись.

– Кто купаться? – спросил Денис, собирая мангал.

– Шутишь, – сквозь зубы сказала Лиза, – У нас столько бухла нету.

– А сколько тебе надо бухла? – поинтересовался Миша, – Три бутылки на пятерых!

– Это по глотку, – сказала Лиза, как человек с опытом.

Лана и Таня неторопливо выкладывали на тарелки помидоры и огурцы. Укрепили скатерть, расставив коробки сока

по углам. Девочки, все еще шепчась, достали пластиковые стаканы. Таня о чем-то задумалась, отвлеклась, и пару стаканов тут же унесло к воде.

– Повнимательней, девушки. Стаканы в дефиците, – строго сказал Денис.

– А вот мой Гриша не жадный, – сказала Лиза.

– Какой еще Гриша? – спросил кто-то.

– Аспирант. Мой Гриша, только он еще об этом не знает. Такой, подающий надежды. Не то чтобы красавчик. Харизматичный.

– Ты хоть знаешь, что означает это слово? – буркнул Миша. Теперь он настраивал фотоаппарат (большой и тяжелый) и, не теряя серьезности лица, тыкал на все кнопки.

– Знаю! – взвизгнула Лиза, но тут же вспомнила: Гриша Гришей, а на сегодня Михаил – ее кавалер, – и резко сменила тон.

– Мишаня, ты такой умный! – промурлыкала, – Давай поиграем в слова? То есть как поиграем: ты меня поучишь новым словам. Как идея?

Лана и Таня хмыкнули, переглянулись.

Таня как бы в мольбе подняла глаза к небу:

– Друзья постоянно выбивают из меня дурь, но я знаю, где взять еще, – процитировала она шутку из Интернета. Никто, правда, не засмеялся.

Кроме ребят, сегодня на заливе отдыхала еще одна компания с мангалом. Довольно далеко – можно было пересчитать

количество людей, но чтобы разглядеть, сколько там мужчин, а сколько женщин, – уже не разглядишь. Оттуда изредка доносились веселые крики.

То ли из-за погоды, то ли из-за пустынности, то ли просто день такой выпал, но линия залива, отделяющая сушу от воды, казалась нечеткой, с разрывами, чем дальше – тем сильнее пунктир. А горизонт и вовсе сливался с водой, и было непонятно, где болтается тусклое солнце – в заливе или в небе.

Денис ловко собирал мангал, велел девочкам нанизывать мясо, да побыстрее. Девочки дрожали, кутались по очереди в запасной плед, капали соусом на летние платья, но с шашлыком справились, уж как могли. Миша сходил за деревяшками. Начали жарить мясо, рядом развели костер. Чуть потеплело. Лана ввинтила штопор в бутылку вина, дернула и раскрошила пробку.

– Блин, что ты, блин, делаешь! – крикнул Миша, выхватил бутылку. Кое-как, с руганью, протолкнул пробку внутрь. Наконец, наполнили бумажные бокалы.

– Танюшенька, ты наш милый чистый человечек! Оставайся такой же! – пропела Лана.

– Ну... Таня, ой, ну поздравляю. Желаю, знаешь... Желаю, наверное, упорства, – высказалась Лиза.

– Желаю, чтобы дождь в твоей жизни всегда сменялся солнцем, и чтобы встретилась любовь, которая заменит собой солнце, – пожелал Миша; девочки уважительно прысну-

ли.

– С днем рождения, ты, солнце наше сама, – Денис обнял и поцеловал Таню так, будто он старше лет на десять.

Таня сказала: «Всем спасибо», – хотя понравилось ей только, как Денис сказал.

Быстро допили бутылку. Лана разошлась, все подпевала: «Теперь за нас! За то, что мы такие дружные и классные!»

Попытались играть в ассоциации.

– Нет-нет-нет! Загадываем только тех, кого все-е знают! – визжала Лиза, – Я не знаю никакого Конюхова, что за хрень...

– Давай поставим вопрос иначе, – кипятился Миша, – Кого ты знаешь? Принцессу Кейт? Тома Круза? Джастина Бибера? Какой спектр известных людей мы можем использовать?

– Вот ты умничаешь, а лучше рассказал бы, что за перец этот Конюхов, и почему я должна его знать, – подлизывалась Лиза.

– Всё! Я загадал, – объявил Денис.

– Животное!

– Белочка.

– Еда!

– Гренки с яйцом.

– Профессия!

– Хм. Путешественница.

– Ага, значит, женщина... Одежда?

– Белый сарафан, – засмеялся Денис.

– Танька? – обрадовалась Лана, – Ты Таньку загадал? Танька, слышишь? Ой, а где она?

Пока препирались и играли – не заметили, что Таня исчезла. Скомканный плед валялся на бревне, на тарелке – плевков кетчупа и недоеденный шашлык. Один из Таниных браслетов накинута на полупустую вторую бутылку.

Заорали: «Таня!! Та-аня!! Ты где?!». Денис кричал громче всех, Лизка побледнела, вот-вот разрыдается: «И как это мы не заметили?» Лана побежала к воде, посмотрела по сторонам – не гуляет ли Таня по берегу. Миша хмурился:

– Ну не пошла же она купаться? – сказал он, – Ломакина!!! Быстро вернулась, или я тебе руки вырву!

В тот раз Таня ушла недалеко. Она пошла за новыми ветками для костра и прогуляться по лесу. Услышав грозный рев Михаила, вернулась. «Ну да, надо было предупредить... Извините...».

– Я за тобой буду следить, именинница, сядь рядом, – велел Денис вроде бы весело, в шутку. Но посмотрел на Таню таким долгим, настойчивым, чуть растерянным взглядом, что можно было подумать, что Денис встревожился.

– Если Танька с Диней сидит, то я буду сидеть с Мишенькой, – решила Лиза и плюхнулась рядом, – Согрей меня.

Поскольку Миша и не думал никого греть, Лиза сама прислонилась плечом к его плечу, убедилась, что он не дергает-

ся, и разбурчалась, умиротворенная близостью.

Лана, оставшись без пары, уселась на центральное бревно.

– А я тут научилась сережки вязанные делать, – сказала она, – И брошки тоже.

– Мастерица, – лениво отозвался Денис.

– Хэндмэйд идейно вообще не мое, но куда-то же надо девать свои полезные навыки, – продолжала Лана, – Раз научили вязать – надо вязать.

– Бедняга, бедняженька, – не без иронии посочувствовала Таня; она помнила все до одной Ланины жалобы на то, с каким убийственным старанием родители воспитывают в ней женское начало.

«Пирог, шитье, длинная коса и мягкий голос, и это все обо мне. Хочется сбрить волосы, выпить и швырнуть косу им в лицо, – мрачно говорила Лана и тут же винулась за грубость, – Хотя они и лапушки, и обычно я их люблю».

– А чего не подарила сережки-то вязанные? – развязничала Таня. Она валялась под боком Дениса.

– Ой, милая, не подумала! – виновато ответила Лана, – За мной сережки, обязательно подарю. Именные!

Поболтали, полежали. Миша сделал несколько кадров и после каждого говорил: «Шит, опять не в фокусе».

– Сними меня, сними меня, – прогундосила Лиза.

– Ты особенно размытая получаешься, – отрезал он.

Открыли последнюю бутылку.

Попробовали играть в «Крокодила».

– А карточки, карточки? У нас с собой? – забеспокоилась Лиза.

– Лиза, вообще-то Крокодил – несложная игра, – ласково сказала Лана, – Мы на даче один раз всю ночь играли, и загадывали без всяких карточек. Загадывали только строчки из песен. Вообще весело было, очень круто. Разошлись, когда бабуля моя уже первый раз встала, чтобы чаю попить. Причем, такой репертуар загадывательный подобрался клёвый – сплошная классика. Для гитары. Виталик зажег. Творческий, очень круто.

Лана большим глотком допила вино и разнежилась, вспомнив дачного Крокодила или дачного Виталика:

– Неужели без инструкций не справишься?

– Так Мокроусова всю жизнь, как на экзамене – пытается угадать правильный ответ, – расхохотался Миша.

– Это потому что тебя рядом нет, Миша, – будто нарочно подначивала она, – Дай волосы поправлю.

– Уйди, – отмахнулся Миша.

Он носил круглые очки и, чтобы не быть просто очкариком, отрастил волосы, завязал их в хвостик и воображал себя с минуты на минуту философом или хотя бы писателем.

– Достали! – Таня встала, отряхнув уничтоженный кетчупом и убитыми комарами сарафан.

– Куда пошла?! – это Денис.

– Я загадаю. Достали, – сказала Таня, села на центральный пенек и стала сидеть.

– И? Ты что, уже показываешь? – заинтересовалась Лана.
Таня кивнула. Продолжала сидеть.

– Хоть намек дай, – попросил Денис.

Но Таня продолжала сидеть.

– Мыслитель? – предположил Миша.

Таня помотала головой.

– Памятник?

– Нет.

Таня обвела рукой просторы.

– Залив?

– Сама ты залив, – это Миша Лизе, – Может, бесконечность?

Таня закрыла лицо руками.

– О боже, что ты показываешь! – нервно засмеялась Ланка, – Меня на той неделе?

– Танюш, подсказку дай. Это какая-то картина? – сказал Денис.

Таня встала, прошлась, потом легла на песок и уставилась в небо.

– Перформанс, блин, – сказал Миша.

– Реально, что ли, перформанс загадала? Как слово? – обрадовалась Лиза, – Какой ты умный, Мишуня!

Но Таня продолжала лежать.

– По-моему, ей просто хочется полежать, – вздохнул Денис, – Чего-то мне надоело.

Денис вернулся к остаткам вина и закуски. Остальные то-

же заскучали.

– Танюш, я понимаю, твой праздник, но мы, знаешь, потерялись как-то, – сказала Лана, – Странный какой-то крокодил.

Еще минут пятнадцать Таня валялась на песке («набухалась, что ли», – предположил Миша), а друзья доедали и допивали. Вторая компания, не дождавшись, пока догорит костер, исчезла. Становилось холодно. Всем хотелось домой.

– Да ну вас, – зло сказала Таня, вставая и отряхивая песок с сарафана, – Никакой фантазии. Я загадала пустоту, если кому-то еще интересно.

– Блестящее исполнение, – съязвил Миша, – Тебе точно дорога в современное искусство.

– Тань, ты в порядке? – осторожно спросила то ли Лиза, то ли Лана.

– Ладно! Домой, – решил Денис, – На ногах еле держусь. До станции шли молча и тяжело. От вина гудело в голове, ноги прилипали к земле. Покрывала, мангал и прочее весили целую тонну. Лане хотелось плакать – например, о вечеринках, которые заканчиваются весело. Денис думал о том, что придет к себе, а там другой сумасшедший дом. Таня злилась и сама не знала, почему.

– Странный день рождения, – шепнула Лиза Михаилу, – Таня странная.

Очкастый Миша согласился, вдруг ощутив симпатию к Лизке, которую почешу за ушком, и тем осчастливишь.

– Развезло так развезло, – сказал Денис, упав на сиденье электрички, – Мне бы ехать и ехать... А то сейчас приду домой, там бардак. У бабульки запоздалая гульба с подружками, дедулька водяру себе подливает. Дурдом, чую.

Денис жил с бабушкой и дедушкой. Куда делись родители, друзья не спрашивали, чужая, в свою очередь, трагедия, о которой боялись узнать. Бабушка и дедушка кормили Дениса кашей и супом, а также рассказами о скорой кончине кого-нибудь из них. Хотя старики были бодры и, по большому счету, не старики даже, Денис старался жить так, чтобы не расстраивать их покалывающие сердца и ноющие поясицы.

– Побыстрее бы в тепло, – ныла Лиза, – Побыстрее бы, чтоб хорошо все было.

– Ну скажи, скажи, как жить дальше, как жить в этом противоречивом мире? – говорила Лана, – Во что верить? Куда идти, скажи? Куда идти девочке, красивенькой девочке, волевой такой, умненькой и, такой, о-очень честной, если она не хочет замужа, а хочет свободы?

– Ого самооценка, – заметил Денис.

– А что такого? Вы слышали, что теперь выпускников вузов будут штрафовать, если они работают не по специальности? Слышали? То есть если я не хочу работать в туризме, а хочу, может, овощами торговать – все, штраф! – продолжала Лана, то трезвея, то уплывая.

– Пофиг вообще, – Таня подремывала, забравшись на скамейку с ногами и положив под голову Денисову куртку.

Всех сегодня развезло.

– Если задуматься, в этом есть здоровое, это самое, здоровое зерно, – встряла Лиза.

– Так было всегда, и каждый на своем месте, – сказал Миша и икнул, – Во веки веков.

– Во-во, полная х-ня, – отрезала Лана, – Про здоровье мне мама втирает, про место – папа. Х-ня – и то, и это.

– Ого, – опять удивился Дениска, – Чтоб Лана Таранта дважды матернулась за пять секунд... Великий день.

– Вы ее плохо знаете, – усмехнулась Таня, – Вы вообще невнимательные. «Уж полночь близится, а близости все нет».

– Ну и юмор. Куда уж нам, – сказал кто-то из мальчиков.

По домам, наконец. Попрощались быстро, сдержанно, не размазывая слова. «Крошки, целую ваши ручки». «С днюхой, Татьяна!». «На связи». Не на сто лет прощались.

Увидятся раньше, чем соскучатся.

Дома у Лизы грохотал телевизор, пахло жареной картошкой, в обеих комнатах, на кухне и даже в ванной орал свет. Вышла лохматая, как старая болонка, мамаша.

– Садись есть, где тебя носит, – скороговоркой сказала мать.

– Я не голодная.

– Да не хочу, мам, мы с ребятами шашлыков наелись, –

Лиза говорила тихо.

– Так, две ложки. И поговорим заодно, как ребята, расскажешь, да я оголодала, тебя жду, посиди со мной, я не могу есть одна.

Лиза вздохнула, послушалась. Села. Запихала в рот дольку масляной, пережаренной картошки. Мать бухнула майонеза и кетчупа, сидела наворачивала.

– Что ж ты, целый день не ела? – спросила Лиза.

– Конечно! Когда одна, кусок в рот не лезет, – сообщила мать с набитым ртом. – По телевизору интересные передачи были. Оказывается, есть специальная метода – за месяц можно выучить десять языков. Надо попробовать тебе.

– Ага.

– Ага-ага. Когда ж ты уже порадуешь мать.

Лиза сполоснула тарелку, налила себе чаю.

– Отец звонил. На границе застрял, говорит. И чего они там возят, что их держат по трое суток?

– Это не они, это наша таможня.

– Не знаю, вечно ты его защищаешь, короче, скоро будет. Глянь, Лизон, что купила.

Недавно Лизина маман увлеклась искусственными цветами, так что по квартире были расставлены букеты из пластиковых роз и бумажных хризантем. Сегодня к искусственным цветам мать добавила пластмассовые красные яблоки – украсила ветхое трюмо в прихожей.

– Ну! – сказала мама, – Красота!

– Фу! – отрезала Лиза, – Кошмар! Ты хоть, не знаю, посмотри журналы по интерьеру.

– Вот сама и смотри!

Еще немножко – Лиза отлично знала сценарий – и мать понесет на слезы. Она подожмет губы, пойдет трагическими пятнами и, наконец, разрыдается: «Стараюсь-стараюсь, а в ответ что слышу. Вот сама и украшай, как хочешь, я не против, я только рада буду, если хоть кто-то поможет».

Действительно, мать краснела и пухла, как комар, напившись крови.

– А ведь от вас только слышишь «фу» да «фу», а я так надеялась – будет муж-кормилец-помощник, будет доча-умница-помощница-красавица...

Не выдержав, Лиза метнулась к себе в комнату и хлопнула дверь: от картошки мутило, да и от остального тоже.

В квартире у Миши было тихо; у них почти всегда было тихо. Родители любили роскошь и излишества, но на домашнем общении экономили – дома отдыхали. Миша кинул ключи на трехногий столик в прихожей, объявив о своем возвращении. Ноль эмоций.

Тихо тикали дубовые часы, откуда, по преданию, должна была и кукушка вылетать, только Миша ее ни разу не видел. Побулькивала мультиварка на кухне; на такой блестящей металлической кухне, что куда ни глянь – наткнешься на свое отражение.

В гостиной работал телевизор, тоже, конечно, тихо: на экране почти беззвучно сражались боксеры. Из-за кожаной спинки дивана торчала отцовская макушка, из-за подлокотника массивного кресла выглядывала рука матери.

– Привет, – сказал Миша.

Макушка вроде бы кивнула, рука помахала.

– Овощи сейчас будут, – вполголоса сообщила мать.

– Сыт. Спасибо.

– Тогда я выкину, – так же тихо и бесстрастно отозвалась мать.

Миша не выдал никакой реакции, ушел к себе, плюхнулся на кровать, не переодеваясь. Кивнул, как обычно, портретам на стене: Ницше, Керуаку, Конан Дойлу, Хантеру Томпсону, Бегбедеру и Мураками, – с четырнадцати до восемнадцати Мишу здорово колбасило. Из-за портретов на стене Мишу в свое время называли девочкой с томиком стихов, интеллектуалом с хвостиком, фанаткой и т. п. Сейчас-то Миша повзрослел и мог справиться уже без этих ребят, но как-то неловко было скручивать портреты и куда-то запихивать: когда Мише хотелось поговорить (а дома с этим всегда было туго), они здорово выручали.

Миша включил камеру и принялся рассматривать фотографии с пикника. Было много Тани (Денис постарался), и на всех фотографиях она была задумчивая и, даже когда обнималась с Ланой, какая-то отстраненная. От изображений Мокроусовой Лизы, так настойчиво улыбающейся и ле-

зущей в камеру, Мише было неловко – будто бы это он виноват в том, что Мокроусова такая тупая.

Он увеличил и внимательно просмотрел фотографии, сделанные незаметно. С недавних пор, прочитав какую-то глянцевою, однако убедительную книжку, Миша полагал, что вся суть человека проступает, когда снимаешь его в правильный момент скрытой камерой. Миша хотел бы однажды стать настоящим репортером. Он бы хотел уметь наблюдать и видеть.

Вот Денис ищет Таню и кричит. Таня лежит на песке. Лана рассказывает про хэндмейд и пьянеет. Лиза трещит, размахивая руками. Денис смотрит на Таню. Вот Таня что-то шепчет Лане на ухо, а та изумленно слушает.

Ничего такого, что сошло бы за новость. Танька странная. Денис разволновался за нее – может, влюбился, а может, просто привык за всех волноваться. У Ланы на лице написано: побешусь и выйду замуж через два года. А Мокроусова дура.

«Данный эксперимент не показателен. Я и так про них все знаю. Надо выходить на настоящее поле», – подвел Миша итог своим скудным наблюдениям и, разлѣгшись на кровати, стал думать о том, какие прорывы в репортажной фотографии ему бы однажды хотелось совершить.

Как и предсказывал Денис, у него дома было не продохнуть от веселья: солидные дамы, подружки его бабули,

громко подпевали бурановским бабушкам в телевизоре, пили и курили. Пахло солеными огурцами и жареным тестом. Прихожая была усеяна стоптанными старомодными туфлями и многочисленными шарфиками в цветочек.

– Кто пришел! – весело закричали гости, – Наш товарищ Денис дорогой!

– Денисочка вернулся! – закричала конкретно его бабуля и повисла на шее, обдав хорошим водочным запахом, – Вот только Денисочка, наш помощник, и держит нас на этой земле.

– Видимо, в прямом смысле слова «держит», – Денис отвернулся, стараясь дышать ртом, и снял бабулю с шеи, – Даже мы столько не пьем.

– Музыку-то потише сделайте, милицию на вас вызовут, – пожурил он.

– Милицию?! На нас! Вот хохоту-то будет! – и бабули, не дожидаясь, громко расхохотались.

– Где дед?

– Старый сыч никогда не любил веселья, – пожаловалась бабушка, наливая очередную стопку.

– Не налегай особо-то, – крикнул Денис уже из коридора; он пошел проведать деда.

Наряженный в белую рубашку и черные брюки со стрелками, дед лежал на диване, закрыв лицо полотенцем, и постанывал. Увидев Дениса, он приподнял голову:

– Дениска, ты? Посмотри, как бабушка меня нарядила –

идеальный покойник.

– Где болит, дед? – спросил Денис, не глядя вытащив из ящика тонометр.

– Грудь давит. Не вздохнуть. Рук не чувствую.

– Надо врача.

– Когда приходит час, ты просто чувствуешь, – молвил дед, отворачиваясь к стенке.

– Дедуля, ну дедуля, ну какой час...

Всякий раз, когда Денису приходилось вызывать скорую, он нервничал. Он знал и помнил, что предсмертная болтовня обычно заканчивалась таблеткой валидола, чаем с лимоном и прогулкой вокруг дома, но кто мог знать наверняка, что именно сегодня у деда не сдавило грудь взаправду. *По-настоящему.*

Денис вышел в коридор, цыкнул на женщин: «Деду плохо!», набрал 03.

Из состояния буйной радости гости, не вздохнув, перескочили в тревожный переполох. Бабушка забежала – из кухни к деду и обратно: компресс, вода, градусник, грелка, лед... Все, что можно. Лишь бы не с пустыми руками.

Одна из захмелевших гостей заплакала, вспомнив, что ее вдовству всего пять лет, а еще две стали ее успокаивать. Четвертая кричала: «Нужна помощь?! Нужна помощь?!». Пятая отыскала свой шарфик и свои туфельки и тихо засобиравлась домой.

Когда приехала «Скорая», дед сидел на диване и ел суп.

Бабушка сидела рядом и гладила его по коленке. Врачи сказали, что лучше бы дед их научил, как пить паленую водку и не сдохнуть.

– Ласковое слово и старику приятно, – дед подмигнул Денису, – Внимание-то всем нужно.

Денис ответил: «Идите спать», – и под стариковский храп и какую-то комедию, мыл посуду, убирал с пола крошки, огрызки и чесночную кожуру.

Дома у Ланы играли в «Монополию». Все: мама, папа и бабушка – сидели за столом в гостиной и играли в «Монополию». Мама нарезала сыра и яблок, открыла оливки, поставила графин с морсом.

– Пять, шесть.. йес! – папа сделал ход, – Железная дорога моя! Ну все, взвинчу цены – мало не покажется.

Женщины посмеялись шутке. Бабушка сказала, что пенсионерам полагаются скидки. Опять посмеялись.

– Дочур, присоединяйся! – пригласила мама.

– Э! Какое! Игра в разгаре. Не пущу, – шутливо пригрозил папа.

– Да все хорошо, я уже наигралась, – тихо сказала Лана.

Лана была по-прежнему пьяна, только теперь еще голова разболелась. Она мечтала добраться до ванной, а потом до кровати так, чтобы ее не заставили вести беседы и не уличили в пьянстве.

– Мы по тебе скучали! – крикнула мама, но скорее из веж-

ливости, чем из спонтанного чувства: сейчас она была увлечена строительством отелей, не до дочери.

Сполоснув лицо и почистив зубы, Лана тихонько легла в кровать и решила не шевелиться, пока в голове не перестанут кружить вертолетики.

Через полчаса, а может, под утро, когда Лана только-только проваливаться в нормальный сон, возникла мама:

– Дочуронька, как насчет поболтать?

Лана зарылась в подушку. Мама погладила лоб, волосы:

– Что-то ты мокренькая, дочуронька.

Утром Лана обнаружила записку от мамы: «В пятницу идем в гости к тете Люсе. Будет ее Коля (!) Очень хороший, перспективный юноша (!!). Надо поболтать».

А Таня домой не поехала. Ей там нечего было делать.

Февраль

На перекрестке двух сонных улиц всю зиму простояла, прибитая грязью и льдом, вжатая в землю, машина. Пока ночь была длиннее дня, машина потихоньку темнела. Под зимним ледяным дождем, ветрами, моросью и раз-другой под тихим снегом, машина усыхала и съезжала набок. В новогодние праздники безвозвратно исчезли два колеса.

С тех пор, как под окнами появился автомобиль, Таня выдумала с десятков историй о его потерянном владельце; историй в духе дневных ток-шоу – то дерзко неправдоподобных, то безнадежно трагичных. Она свыклась с автомобилем, как со своей желтой кружкой, подарком матери на день рождения (как можно было всерьез подарить кружку на 19-летие родной дочери – другой вопрос), как с бокалами и пепельными блюдцами, бултыхающимися с вечера в раковине, как с утренним запахом – запахом сырости, пропитавшим кухню.

Где-то к середине февраля, когда началось стремительное, будто бы окончательное, таяние снега, у забытого автомобиля остановился эвакуатор с треугольной наклейкой на корпусе: «Не жди – утилизируй!». Из эвакуатора выпрыгнули двое, приветственно похлопали машину по капоту.

Двое за окном разговаривали. Один по-хозяйски ходил вокруг машины, дергал зеркала, щупал колеса. Второй раз-

махивал руками, как будто кого-то подзывал, оглядывался и шебуршал взглядом по соседним окнам, где каждые несколько секунд мигало спросонья чье-то новое утро. Посоветовавшись или поспорив, мужики загрузили-таки сироту на свой эвакуатор, погромыхали и отчалили. На земле осталось темное, глубокое пятно.

Было это ранним утром. Таня стояла у окна, чаем запивала бутерброд с сыром, но без масла. Масло кончилось неделю назад, всё забывали купить...

Дозавтракав, Таня кинет чашку в раковину, расчесет волосы – пальцами, расческа где-то в сумке, лень искать – наденет синюю в белую полоску куртку, которая и на теплую зиму, и на весну. В прикрытую дверь одной из двух комнат, где спит мама, Таня скажет: «Пока». Мама проснется только к Таниной третьей паре: она была у соседки; вернулась, пропитанная пивным и соленым (Тане казалось, что мужским) запахом.

Таня запрёт дверь на два оборота и поедет в институт. А после института – на Обводный канал, к горчичному дому.

Она будет смотреть на четвертый этаж, квартира с окнами на воду. Второе справа – спальня, где гладкое бордовое покрывало на кровати и тяжелый запах духов. Третье окна справа – кабинет, там прекрасный бардак из бумаг и книг, пятна от чашек на столе и копченый от уличной гари подоконник. «Надо поработать. Не могу работать в тишине», – говорил Танин возлюбленный и открывал форточку.

А когда темнота города накроет собой темноту воды, Танино сердце допрыгнет до горла: ведь слияние темноты с темнотой – то же самое, что происходит между людьми.

Апрель

От Адмиралтейства до Загородного – три моста. Три канала. Таня хотела пройтись одна.

– Зая, все okay? – пыталась Лана, когда Таня щелкнула очередной банкой коктейля и, чтобы не пролить ни капли, сделала большой глоток.

– Да все okay, хочу прогуляться, – сказала Таня и кивнула в сторону ТЮЗа, – Оттуда до дома по прямой.

После лекций Лана, Таня и Лиза потащились делать бесплатные причёски – рекламная акция в новой парикмахерской, перепали приглашения. Лизке сделали косую челку, Лане подравняли концы, Таниными волосами остались недовольны и сотворили пышненькое нечто по уши.

– Ты из-за этой дуры расстроилась, что ли? Брось ты, у тебя чудные волосики, – не отставала Лана.

– Да мне все равно вообще, – ответила Таня. – Говорю – хочу пройтись. Просто.

– Может, погуляем еще? Кофе попьем.

– Да не, мать ждет. Обещала с ней вместе поужинать.

Лана удивилась: Таня никогда не ужинала с мамой и почти никогда в разговорах о ней не вспоминала, – но удивления не выдала, это было бы невежливо.

– Давай я с тобой до Садовой? – предложила Лиза, – Хочу проверить: будут смотреть на мою чёлку или нет.

– Только молча, – неожиданно согласилась Таня, – Проверь, только молча.

Лиза радостно закивала. Лана сказала «ну ладно, чмоки-чмоки» и пошла к «Адмиралтейской», не сообразив, что Тане и от «Адмиралтейской» до дома по прямой.

Пять остановок, пересадка, еще остановка – все это время Лана спорила со своей обидой на угрюмую Таньку, которая молчит и ничего не говорит. «Какие у нее могут быть секреты от меня, ... ну не будь маленькой, Ланочка», – думала Лана под стук колес, прекрасно зная, что у Тани есть от нее секреты, есть! И обиднее всего было то, что Лана даже пошла бы на свидание с очередным женихом, подосланным мамой, лишь бы их узнать.

Выйдя из метро, Лана зашла кинуть денег на телефон, и случилось так, что в один миг она забыла и про Таню, и про секреты, и про обиды. Мужчина в голубой рубашке и черной служебной жилетке и с бейджиком «Дмитрий. Консультант» улыбнулся Лане.

– Договорились же – молча, – буркнула Таня, когда Лиза принялась вещать о том, что, похоже, ее чёлка не пользуется тем успехом, на который она рассчитывала.

Потом смягчилась – это ж Лизка.

– Просто уже поздно, парней мало на улице, – добавила она.

– Мне кажется, я не умею любить, – ни с того, ни с сего

сказала Лиза, – Но у меня как: то одного полюблю, то другого, то пятого-десятого. Со страстью, конечно, влюбляюсь, все дела, но хочется-то, ну не знаю, на одного человека за-пасть, как-то определиться.

– И что?

Таня остановилась на первом мосту, посмотрела на воду. Убедилась, что лед почти растаял. Поймала свое отражение в воде. Кинула в воду пустую банку из-под коктейля.

– Ну говорю же – хочу с постоянством любить! – воскликнула Лиза.

– Некого.

– В смысле?

– Некого любить. Моя бабушка говорила: «Настоящих мужчин убили на старой войне». Я ей никогда не верила, но, по ходу, права была бабуля. Всех убило.

Таня резко прибавила шаг. Лиза почти бежала, поспевая за ней.

– Убило? Когда? – Лизина способность удивляться каждому услышанному слову сейчас вдруг показалась Тане милой.

– Я попробовала, короче. Не кого-то там – самого умного мужчину любила. Знаешь, такого, который когда рот открывает – тебе хочется только молчать.

– Не знаю, не знаю! – запричитала Лиза.

– Да забей. Тоже оказался ненастоящий.

Таня курила, смачно выдыхая дым. Почему именно Лизке

она рассказывала о своем возлюбленном, вряд ли знала она сама. Почему не Лане, милой доброй, домашней Лане...

«Почему не мне?!» – будет кричать милая Лана через несколько дней, – «Почему тебе, дуре набитой? Я ведь ее лучшая подруга!»

«Откуда же мне знать! – будет пищать и плакать Лиза, – Я ей тоже подруга! Может, я хороший собеседник! Может, я лучше тебя в чем-то понимаю!»

– В общем, все было. У нас в смысле. И все было хорошо. А потом я увидела, как жена с ним разговаривает, и как он с ней разговаривает...

– Жена?!

– Ну конечно, была жена тоже, он же мужчина! – воскликнула Таня, – Причем тут жена вообще. Я не про то, что жена, а про то, что он – он! – был самым умным мужчиной, которому ноги надо целовать, или руки, и руки, и ноги... Я хотела целовать ему и руки, и ноги! Так вот он, даже он, оказался лысым козлом.

– В смысле как, облысел резко? Ноги целовать – это я вообще первый раз слышу... Как-то унизительно, нет? Или как? – трепыхалась Лиза, стремительно пытаясь осмыслить что-то, для ее жизни невообразимое, прогоняя невесть откуда взявшийся страх.

Таня выкинула окурок, достала следующую банку из сумки.

– Все, пока, – она чмокнула Лизу в щеку.

– Танечка, ну я же не сообразила, почему он козел, – взмолилась Лиза.

– Да ладно, потом как-нибудь, – сказала Таня, – Мои тараканы. Завтра идешь учиться?

– Ну дорасскажи, – ныла Лиза, – Вы еще общаетесь или ты его бросила?

– Чтобы что-нибудь ненужное продать, нужно вначале что-нибудь ненужное купить, – сказала Таня.

– Я ничего не понимаю. И никто ничего мне не объясняет, – ныла Лиза.

Пришлось, однако, чмокнуть Таню и отпустить, а самой побрести к метро, проклиная себя за неумение разговаривать, понимать, думать, чувствовать и любить. Лизе в ту ночь снились кошмары – всю ночь она бежала, а за ней гнались.

А Таня, посмотрев на свое отражение в воде с третьего, последнего и любимого моста, откуда был такой чудный вид на город, направилась к тюзовскому скверу.

Пропажа и начало поисков

На следующий день, в девять утра, скрипкой запиликал мобильный телефон и разбудил Лану Таранту.

– Ланочка? Здравствуй. Это Света. Светлана Игоревна. Мама Тани. Таня не у тебя? А то я что-то не могу найти ее... Дома не могу найти.

Лана оглядела спальню:

– Нет, ее нет у меня.

– Да? – мама, кажется, была разочарована, – А где же она... Ланочка, ты не позвонишь остальным вашим ребятам. Может, у кого-то из них она застряла? Телефон у нее выключен.

Лана кивнула и, не прощаясь, повесила трубку.

Позвонила Мише – не ответил. Позвонила Денису – хрипло прошептал, что вообще-то он на паре, и вообще-то они договаривались прогуливать по очереди, а раз девчонки не явились все сразу, и они с Мишей отдуваются, то у них в запасе будет три прогула.

«Конечно-конечно», – пискнула Лана.

Лиза, спасаясь и убегая от кошмарного сна, наяву вся вымокла, смяла одеяло в ком и, когда заорал мобильный, как раз собиралась броситься с огромного, обвешанного новогодней гирляндой моста.

– Таня у тебя, дай ей трубку, – протараторила Лана, – Дай

ей трубку!

– Вы ошиблись номером... Ой, это ты. Нет, Тани у меня нет. Она же гулять пошла.

Лана проорала еще что-то, заставила Лизу проснуться и усердно пыталась: где они расстались, что Таня говорила, куда она могла пойти, ты ведь, дура, последняя, кто ее видел – ну, быстро вспоминай!

– Если честно, мне надоело, что вы меня считаете душой, – сказала Лиза.

– Вспоминай! – гаркнула Лана так, что ее бабушка, которая собиралась попить чаю и послушать музыку по радио, уронила чайную ложку, – О чем вы говорили? Она говорила, куда собирается?

– Говорила... Будет гулять. Что... ну, что-то говорила личное.

– Про любовь, про мужчину? – спросила Лана строго и сухо, отчаянно сопротивляясь слезам. Какой-то Лизке она сказала! А лучшую подругу отправила домой!

– Что-то такое говорила. Упомянула. Честно, я почти ничего не поняла, – сказала Лиза.

«Конечно, не поняла», – сердито подумала Лана.

– И вообще, Таня, может, по секрету сказала, а ты меня пытаешь, заставляешь разбалтывать чужие секреты, – Лиза, наконец, проснулась, смыла с себя ночные преследования и загундосила в обычной манере.

– Ты еще не знаешь, как пытаются, – пригрозила Лана, не по-

дозревая сама, что в ней живет маленький тюремщик, – Тани нигде нет, и ты последняя из нас, кто ее видел. Вспоминай. Каждую секунду вашего разговора. Перезвоню.

Лана перезвонила матери.

– И что же мне теперь делать, – недовольно сказала та, – Ты знаешь, где еще она может быть.

«Спроси у Лизы», – подумала Лана.

– Не знаю, – сказала она вслух. – Она говорила, что вы ее ждете к ужину.

– Да? Да, действительно... Я ждала.

– Наверное, надо заявить в полицию, Светлана Игоревна.

– О боже, только этого мне не хватало, – вздохнула Танина мама.

Подождав вечера, потолковав с новым соседом («Сто лет не была в театре, а вы, Вадим?» – «А я тысячу лет не был» – «Не желаете сходить?» – «Далек я от прекрасного» – «Не скромничайте, Вадим, наверняка не так уж далеки!»), Светлана отправилась в полицию. Извиняясь и смущаясь, она составила заявление о пропаже. Она надеялась, ребята в участке скажут что-нибудь смешное и ненатуральное, вроде: «Не бойсь, мамаша, найдется твоя дочурка». Но ребята в участке ничего не сказали. Они что-то спросили, что-то записали, куда-то позвонили и положили заявление на стол.

– Она вообще-то хорошая девочка, – сказала Светлана Игоревна, – Она в институте учится. Не какая-то там наркоманка.

– Да кто ж спорит, – сказал один из ребят, с розовыми щеками и светлым чубом, как с экрана сошедший, – Все хорошие.

– Так когда вы найдете Таню? – спросила Светлана Игоревна уже на пороге, – Что мне делать?

– Не мешать нам работать, – очень спокойно сказал розовый полицейский.

В тот же вечер, когда Светлана Игоревна сообщила Лане, что заявление она подала, а что теперь делать, она не знает, Лана, Лиза, Миша и Денис встретились в парке рядом с институтом Лесгафта. Они встретились у скамейки номер пять, если считать от входа.

После зимы парк еще был полон неприглядного страдания. Всклокоченные деревья, грязь и бумага вперемешку с ржавыми лопатами. Дворники в желтых жилетах пили пиво на скамейке, а рядом играли их лохматые и грязные, под стать парку, дети. Местные жители бродили в тапочках на босу ногу и бормотали друг другу приветствия. Появилось несколько новых разбитых окон, а парочку окон, наоборот, залатали в стеклопакеты. Кошка Дуся родила и растолстела, а кошка Маша исчезла.

– Убью ее, когда увижу, – сказал Денис, – Это ж надо так – никого не предупредить, уехать...

– Куда уехать? – удивилась Лиза, – Она мне ничего не говорила.

Лана гневно зыркнула на нее, всезнающую, и строго спросила:

– Откуда у тебя такая информация, Денис? Об отъезде? Я же всех просила рассказать все, что может оказаться важным.

– Так у меня и нет никакой информации, – удивился Денис, – Просто предположил. А куда она еще могла деться? Уехала, наверное.

Как обращаться со стариками или с теми, кто прикидывается стариками, Денис научился неплохо. Что делать, когда исчезает твоя подруга, он совершенно не знал и был поражен, что Лана знает.

– Короче, чтобы ее убить, вначале нужно ее найти. Я возьму на себя ментов. Они сами не почешутся, это понятно, – командовала Лана, – Надо достать распечатки звонков. Обзвонить всех знакомых, всех. Потом – социальные сети, сделать группу поиска. Кто возьмется? Дальше. Волонтеры. Листовки. Прочес территории.

Она посмотрела на друзей. Миша сидел развалившись, делая вид, что он тут случайный посетитель. Лиза постелила на скамейку пакет, чтобы не запачкать пальто, и, как ненормальная, трясла чёлкой. Денис был серым и хмурым – точь-в-точь апрельский парк, – и без конца курил. Лана расхаживала перед ними, шумно листала блокнот и давала указания.

– А ты что командуешь? – сказала Лиза, – Тебя просил кто-то?

– Я не вижу, что кто-то, кроме меня, способен принимать решения в стрессовой ситуации, – грозно сказала Лана.

– Не иначе, где-то вычитала, Таранта, – рассмеялся Миша, – Стрессовые ситуации! Я считаю так: сама исчезла – сама отыщется.

– А мама Тани что говорит? – вспомнила Лиза.

– Без толку, – отмахнулась Лана.

– Светлана Игоревна – дама не без странностей, – попытался поддержать Денис.

– Мягко говоря, – заметила Лана.

– Но, Тарантуша, может, рано мы паникуем?

– Телефон у нее по-прежнему вне зоны. Сама никак не проявлялась. Если кто-то не хочет участвовать в поисках, он может встать сейчас и уйти.

Выждала секунду. Никто не пошевелился. Лана сама хотела бы уйти и поплакать. В самом деле, она чуть не плакала – хотя бы из-за того, что Таня пропала в самое неподходящее время – в счастливое для Ланы время; из-за того, что она не знала раньше, что может вот так – не плакать, а командовать, когда хочется зарыться под одеяло. Из-за того, что командирской бодрости в ней осталось на доньшке, а они ведь только встретились, и ничего еще не предприняли, и остальные, похоже, вообще ничего не понимают.

– Итак, – вздохнула Лана, – Я видела статистику по пропажам. Шанс есть, если не терять время. Я возьму на себя ментов, с ними надо подружиться. Кто может заняться соц-

сетями?

Денис поднял руку.

– Волонтеры? Листовки? Миша? Лиза?

– Дай шаблон – сделаю, – Миша зевнул.

– Прогугли «пропал человек» – будет тебе шаблон, – сказала Лиза.

– Я могу сходить домой, – предложила Лиза.

– Куда?

– Домой, к Тане. Может, дома у нее что-то есть... Ну, под-
сказки какие-нибудь.

– Хорошая идея, – сказала Лана, – Спасибо.

В сотый, наверное, раз за последние дни Лана подумала о том, что есть в этой Лизке какая-то особая чувствительность, которая так бесит и притягивает одновременно.

– Обзванивать знакомых будем все мы. Всех, кого знаем, – сказала Лана, – И кого не знаем.

Она выдержала паузу:

– Прежде всего я говорю об этом... человеке. О ее возлюбленном. Лиза, она называла тебе его имя?

Лиза мотнула головой.

– Она и мне не называла, но я знаю, кто это. Немножко наблюдательности – и нет никаких тайн, – лениво заметил Миша. – Я тебе за полчаса найду все пароли-явки. Телефон, имя, привычки... Что ты хочешь знать?

Лане стало так неудобно, будто она проглотила огромный кусок льда. Почему Танины тайны для остальных – глупо-

сти и не очень-то интересно, и только она холодеет от обиды и страха, холодеет до ледяной корки внутри. Почему так настойчиво стучит в желудке: «Предательница, предательница», – и Лана не может понять, о ком это слово.

– Я хочу знать все, – сказала Лана, – И я хочу знать, *зачем* она исчезла именно сейчас. Завтра предлагаю каждому отчитаться о том, что удалось сделать.

Вдруг Лана вспомнила, что завтра вечером у нее свидание с Димой-Димочкой. Отменять свидание? Невозможно. Дура Таня. Везучая Лана.

– Лучше послезавтра. В 17.00, – предложила она, капельку помечтав о Диме-Димочке.

Слава небесам, никто не возражал.

– Ты, Таранта, не зришь в корень, – сказал Миша, когда они уже спрыгнули со скамейки, отряхнулись, как собачонки, и потрусили к выходу, – Ты все «зачем да зачем». А ты мне другое скажи. Кто такая Таня?

– В смысле – кто? – дернулась Лана, а вместе с ней и Лизка напряглась, – Наша подруга и однокурсница, кто же еще?

– Ну вот что ты о ней знаешь? – настаивал Миша, – Я вот про каждого из вас, ну хорошо, из нас, могу что-то сказать. Нетривиальное, скажем так. Вот ты, Лизка, истеришь, потому что тебе кажется, что ты от этого взрослеешь... У тебя мать, что ли, истеричка?

Лиза, наверное, хотела ответить, но вместо слов получились только вздохи и скрипы, как воды нахлебалась. Миша

ничего не заметил и спокойно продолжал:

– Дениска наш боится что-то сделать не так. Или подумать не так. Не даешь слабины себе, парень. Мегаответственность – слышал о такой штуке?

– Слышал! – почему-то с гордостью ответил Денис.

– Ну вот, это о тебе... Ну и Ланочка, конечно... Я продам почку, если через три года – максимум! – Лана не выйдет замуж за мальчика из приличной семьи (на последних словах Миша показал воздушные кавычки).

– Ты придурок, Степанов, просто придурок, – сказала Лана, – Иди в лес со своими предсказаниями. Да, и можешь уже начинать.

– Что начинать? – рассмеялся Миша.

– Продавать почку!! – заорала Лана, – Может, тогда поумнеешь! Мне-то пофиг, а Лизка, вон посмотри, едва дышит. Сейчас устроит тебе образцово-показательную истерику! Да, Лизончик?

Та молча пинала камни и захохотала, когда камень едва не попал в голубя. Денис сосредоточенно смотрел в небо.

– Вы что, обиделись?! – искренне удивился Миша, – Я ж не к тому, что вы какие-то не такие. Я к тому, боже-ты-мой, что про Таньку даже я, человек наблюдательный, ничего не могу сказать. Не понимаю, не вижу. Помните, когда на дне рождения она пустоту изображала? Ну помните же. Я тогда еще подумал, что это она какое-то сообщение хочет передать нам... Чтобы мы ее... его... – не знаю! – чтоб по-

няли. Потом я думал-думал – ничего не надумал. Не понял!

Миша был расстроен: в кои-то веки поделился с друзьями сокровенным, а они не то что не оценили – обиделись!

– Вот и с пропажей то же самое, – все-таки закончил Миша, жалобно скривив рот, – Не понимаю.

Они быстро дошли до Театральной площади: Лиза под ручку с Ланой, мальчики сами по себе, – и там распрощались.

– До завтра, – сказал Миша. Девочки демонстративно промолчали.

– Спать хочется, – невпопад сказал Денис и ободряюще потряс Мишину руку, – Надо набраться сил.

Все четверо зевали безостановочно, как если бы надышались свежим воздухом и теперь срочно нужно было спать-спать.

Было уже темно; к Мариинке начали подъезжать такси. Первые весенние краснощекие роллеры прошуршали мимо. Рабочие со стройки пили пиво на канале. На фасаде очередного дома, закрытого на ремонт, болталась реклама нового чудо-сиропа, незаменимого авитаминозной весной.

Лиза, беспомощная и всемогущая

Лиза рано научилась плавать, причем сразу стала плавать так ловко, что мама немедленно записала ее в спортивный бассейн, увлеклась соревнованиями по синхронному плаванию («Ты посмотри, какие стройные! Какие шапочки!») и рассчитывала, что и из ее девочки вырастет симпатичная пловчиха.

Когда выяснилось, что Лиза никакая не спортсменка – ни по физическим данным, ни по характеру, а просто умеет быть в воде и не тонуть, мама была разочарована. «Я знаю кое-что еще, что в воде не тонет», – сказала мама.

А Лиза как жила без опоры, побалтываясь туда-сюда, так и плавала.

Мама многого ждала от дочери. Очень многого. Фактически Лиза должна была искупить то, что она в принципе появилась на свет и тем самым загубила мамину красоту, молодость и прочее.

Родители Лизы, понятно, жили не очень дружно. Они, скорее всего, не жили бы вместе вообще, если бы не Лиза. Отец работал водителем-дальнобойщиком, поэтому дома обычно спал. Мама обычно нигде не работала. Она любила смотреть телевизор, ходить на рынок, говорить по телефону, красить волосы и печь пироги. Летом она сидела на даче, выращивала какой-то лук и жаловалась на гнилую почву.

И еще, конечно, она любила мечтать и рассуждать о том, чем должна заниматься Лиза и каким человеком ей следует быть.

Она говорила: «Хотя бы ты живи, как человек, если матери не удалось!», – одновременно жалобно и торжественно.

Несколько раз за всю жизнь мама устраивалась на работу: однажды нянечкой в детский сад, еще разок – в бюро добрых услуг (что-то вроде), чтобы разносить еду пенсионерам и лежащим больным, один раз – уборщицей в детдом, один раз, как будто в отчаянии, – в агентство недвижимости. Нигде мама не задерживалась надолго, разочаровываясь, в основном, людьми, которые были не так благородны, как могли бы быть в «таких полезных местах». Но в те периоды, когда мама-таки работала, Лиза слышала другой текст: «Посмотри на мать! Как старается она жить! Работать! А ты чем занята?»

Вообще-то Лиза была занята ровно тем же самым, что и мать: она металась, истерила и постоянно, без продыху, как какой-то ошалелый грибник, искала людей, которые ее признают и одобряют. То Лиза примеряла костюм гота, красила губы в черный цвет и таскалась на кладбищенские сходки, то наряжалась в розовые рюши и листала девичьи журналы. Увлекалась: латино танцами, лошадьми, бездомными собаками, драматическим театром (с посещением актерской студии), турпоходами и панк-роком, – перегорая за пару месяцев и забывая любимое занятие, будто и не было его никогда.

В школе Лизу ценили за отзывчивость, ругали за лени-

вость и рисовали тройки-четверки. Выпускные экзамены выпали на время, когда Лиза жила без увлечения. Чудом, фактически угадав правильные ответы, она сносно окончила школу и поступила в институт.

Лиза боялась маму и совсем не понимала, зачем нужен отец – ей казалось, что не было ни разу, чтобы они с папой вместе сели (встали, поели, погуляли) и о чем-то поговорили.

Увидев Таню-Лану-Мишу-Дениса, которые непонятно почему, но как-то сразу стали вместе, Лиза к ним присоседилась, если не сказать присосалась. На первом курсе все еще добрые и напуганные – наверное, поэтому Лизу не прогнали.

Примерно так все развивалось до пропажи Тани.

Да, про Таню.

Таню она среди других выделяла, чувствовала какое-то давнее знакомство. Лизе чудилось, будто бы они с Таней в детстве вместе играли на площадке, и будто их обеих однажды забыли мамы. Только если, в фантазии Лизки, Таня покружила немного на одном месте, подергалась да плюнула – пошла прочь, то она, Лиза, так и осталась ждать, пока ее кто-нибудь подберет.

В общем, Лизка хоть и не поняла ничего из Таниных слов про любовь, хоть и оправдывалась перед друзьями за неожиданные Танины откровения, но *знала*, что если с кем из них Таня решится секретничать, то только с ней. И Лизка знала, что только она из всех вправе идти к Тане домой

и рыться в ее тайнах.

– Здравсте, тетя Света! – поздоровалась Лиза, переступив порог Таниной квартиры, деловито сняла куртку и осмотрелась.

– Здравствуй, Лиза, – удивленно ответила «тетя Света»; она впервые видела эту девочку, – Чаю хочешь?

– Я кое-что давала Тане и теперь мне это нужно забрать. Очень важное. Может пригодиться для поисков, – Лиза прикинула, что наглости у нее хватит на час примерно.

– А ты уверена, что это разрешено? Ведь еще даже милиционеры... полицейские... ну, следователи не приходили.

– И не придут! – заявила Лиза, – Ну, то есть придут, если не найдется. Ну, в общем... Так вы мне разрешите войти в Танину комнату?

Мама присела на табуретку в прихожей и как-то обмякла:

– Да пожалуйста, пожалуйста... Новостей-то пока никаких?

Лиза не нашла ответа, достала косметичку и изо всех сил напудрилась.

– Я ж тут звонила ребятам из поисковой группы или как-то так называется, – продолжала мама, – Они говорят, много ребят пропадает Таниного возраста. Вашего возраста... Говорят, если по глупости, ну, обиделись там, то возвращаются обычно. А я думаю, на что Таня могла обидеться? У нас прекрасные отношения.

– У вас прекрасные отношения? – переспросила Лиза так удивленно и строго, что и следователей никаких не надо.

– Так что ты там забыла у Тани в комнате? – мама смотрела туманным, как в полусне, взглядом.

– Флешку, – сказала Лиза.

– Вот эта дверь. Я пока чай, что ли, заварю, – вздохнула мать.

– Да-да, – пропела Лиза и открыла указанную дверь.

Комната как комната, у Лизки лучше. Раскладной диван. Постельное белье сложено кучкой и накрыто поношенным пледом. Серые обои в цветочек. Зеркало с отбитым краем висит на двери, на зеркале – древние, выцветшие наклейки с бабочками и Микки-маусом. Рабочий уголок, довольно новый, видимо, к институту купленный. Пара учебников по международному менеджменту, книга по туризму, несколько книг не известных Лизе авторов, во втором ряду – стопочка любовных романов. Темные шторы на окнах. Над диваном-кроватью – картинка с зимним лесом.

Косметичка рядом с компьютером валялась: тушь, зеленая тушь, красная помада, перламутровая помада, пилочка, крем для рук. «Небогато», – подумала Лиза. Она была разочарована – комната без уюта и без любви, как будто не своя комната, а так, место переночевать.

В шкафу тоже ничего интересного обнаружено не было, Лиза просто из любопытства заглянула. Пара платьев, гру-

да свитеров, запах залежалой одежды. Нечего взять поносить!...

Впрочем, вспомнила Лиза, сейчас ей нужен был только Танин компьютер. Она чувствовала, физически ощущала (почти так же остро, как немытость этой комнаты) что у Тани есть секретный файл – типа дневник; место для слез и слов. У Лизы, во всяком случае, такой был.

Мама на кухне гремела чашками, Лиза заторопилась. Мой компьютер – мои документы. Десять жалких документов: «курс. doc» (три страницы), «библ. doc» (страница), «пропариж. doc» (пустой), «конспекты. doc» и «конспекты1» (по несколько страниц в каждом, лекции по менеджменту и истории), одна фотография, обозначенная как «мы» – Таня и какой-то здоровенный хмырь с бутылкой пива, ни разу не похожий на того взрослого и с женой, про которого Таня рассказывала. Странно, интересно, но об этом потом, подумала Лиза. И вот, наконец, файл «я. doc».

– Что и требовалось доказать! – торжествующе воскликнула Лиза, убедившись в своем всемогуществе.

– Что ты говоришь, Лизочка? – жалобно сказала из кухни мать Тани.

Лиза дала себе по губам и решила ничего не отвечать.

Файл открывался просто так, без пароля. Детсадовская ошибка, подумала Лиза; у нее-то все, все личные документы были строго засекречены.

На флешку отправились документ «я» и фото «мы».

Лиза выключила компьютер и вышла из комнаты, уверенная, что ничего больше интересного здесь нет.

– Вот, нашла, – она показала флешку Таниной матери, – Спасибо, тетя Свет.

– А чего это ты такая красненькая? – спросила мама. Она налила чай и выложила на блюде несколько пряников, вздохнула.

– Нервничаю, – призналась Лиза. Она опять подошла к зеркалу, достала пудреницу и щедро посыпала ей лицо, – Так хочу, так хочу, чтобы уже все закончилось.

Опять вздохнула мама Тани, и от частого повторения эти вздохи теряли всякий смысл.

– Завтра поеду вместе с ребятами листовки клеить, полицию навещу, познакомлюсь с поисковиками, – дoloжила тетя Света, – Так надеюсь, что вечером просто звонок в дверь, Танька пришла... И все закончится, как ты верно заметила.

Лиза нервничала (а когда она не нервничала?), скоблила нос, бежево-зеленый от пудры, но понятия не имела, что началось, что должно закончиться, и чего же она так хочет, так хочет.

Миша, который всё знает

Пыльная аудитория, слепой свет ламп, за окном глубокая ночь. Препо́д, похожий на сонного воробья (если бывают сонные воробьи), бог знает его имя, говорил о Платоне, Демосфене, Черчилле, Гитлере, короле Георге, Тэтчер и Далай-ламе – обо всех сразу, хоть и через паузы. Это называлось курс риторики, первое занятие первой парой.

Вместо того, чтобы спать дома, пятеро студентов спали на столах. Поздняя осень второго курса. Лишь только Таня не спала: она сидела рядом с Мишей и на время лекции перестала дышать. Вдобавок к этому Танины глаза стали совершенно круглыми, что, как с удивлением обнаружил Миша, выглядело жутко неестественно. Да просто – жутко.

– Ты чего? – спросил Миша, толкнув Таню в бок, – Жука проглотила?

Таня не ответила. Миша задумался.

– Хорошо, что эта байда всего на месяц, – сказал он и внимательно посмотрел на Таню.

– Сам ты байда! – оскорбленно ответила Таня и посмотрела на него своими круглыми глазами, – Мне очень интересно.

«Вы, конечно, знаете, что словом можно исцелить и можно убить», – говорил препода гнусавым голосом. Миша фыркнул: вот ради этих прописных истин он сюда притащился.

Больше не придет. С такими преподами он сам может лекции читать. Вот Таня не дышит – пусть она и ходит.

Потом, спустя, может, пару недель, Миша наблюдал, как Таня, встретив сонного воробья в коридоре, нарочно уронила тетрадку ему под ноги. Детский сад: оба кинулись поднимать, столкнулись лбами, Танька засмеялась каким-то диким смехом, препод смутился. Ну просто детский сад.

В дни, когда была эта риторика, Таня приходила вся накрашенная, пахнувшая сладкими духами, и нервная. Очень быстро Таня совсем изменилась: перестала бешено краситься, зато придумала себе новую причёску – убрала волосы в тугую кичку и открыла лоб, изображая невесть кого. Причем, в исполнении Тани открытый лоб выглядел просто бесстыдно, почти непристойно.

Конец осени и почти всю зиму Таня приставала к Мише с просьбами «принести че-нибудь почитать», натурально глотала книжки, так что в итоге Миша перетаскал ей все свои домашние запасы и был вынужден выслушивать ее впечатления о прочитанном.

В то время Танька, хоть и бесила его, и дикий этот открытый лоб носила, и красной помадой рот красила, и каблуки на ней, как ходули, но была она словно подсвеченная изнутри.

– Ты что, тренируешься на мне? Репетируешь выступление? – спросил он однажды, раздраженный не столько Таниной глупой рецензией на «Сагу о Форсайтах», сколько ее

интонациями – надменными и в то же время заискивающими. И, как обычно, попал в цель: Таня замолчала, захлопала носом, убежала куда-то, два дня держала бойкот, а «Форсайтов» так и не вернула.

На зачёте Танька разливалась соловьем. После зачёта не ушла со всеми, а зачем-то осталась, сказав, что хочет попросить дополнительную литературу.

А вот к весне что-то там у нее опять изменилось. Она была по-прежнему суетлива и загадочна, по-прежнему крутилась возле кафедры, где работал этот товарищ, но благостность, которую замечал Миша раньше, стала как-то подзатухать. Сквозило в ней что-то настолько незнакомое, морозящее и печальное, что лучше было об этом вовсе не думать – лучше было шутить, глумиться и ерничать.

Короче, не надо было быть Шерлоком, чтобы протянуть ниточку от «а» к «б», от «Т.» к «О. О.».

Сейчас все обещанные пароли-явки, почтовый адрес, телефон и состав семьи «О. О.», который оказался не старым, а просто потрёпанным и лысым мужиком, лежали на Мишином столе. Они с Денисом встречаются через два часа у станции метро «Обводный канал» и идут на мужскую встречу с «О. О.». Вообще-то его звали иначе, но Миша решил, что такие инициалы больше подходят преподавателю риторики.

Ланка велела узнать «всё» – отличная инструкция. Особенно для Миши и Дениса, которые никогда не ходили

на мужские встречи и вообще никогда не ходили в гости без приглашения.

Миша взял на себя пароли-явки, а Денис обещал подготовить текст: здрасте, мы такие-то, пришли потому-то, ну и дальше все очень по-мужски.

«Не подкачай, ответственный Дениска», – думал Миша, шастая по квартире туда-сюда, зная наверняка, что они с Денисом опозорятся.

На две недели Миша остался дома один – родители устали за зиму (мать жаловалась на бледность и раздражительность, отец потерял сон) и позавчера укатали в морской круиз. Можно зарыться в книги и фотки, курить в туалете.

Овощи обреченно томились в пароварке. Морозильная камера забита пельменями, лазаньями и наггетсами. Пока Миша питался хлебом, колбасой и сыром, все в нарезке, купил сам. Запивал лимонадом и иногда пивом. Сейчас ему не нужно было ничего больше.

Он с восторгом крошил хлеб на пол, туда же сплевывал колбасную кожуру, читал что-то в Интернете, размышлял о Тане, склеивал факты, пытался понять ее летнюю «Пустоту» и тут же отгонял эти мысли. Потом начинал нервничать и опять шастал по квартире – из кухни в гостиную, из гостиной – к себе, и обратно.

Пароль от Таниного аккаунта во «Вконтакте» он подобрал быстро. Дата рождения плюс та самая предсказуемая, хоть и неприятная «пустота» – как ключ, отпирающий дверь

в не очень уютную комнату. Ничего, в общем, особенного в Таньке, все обычно (он бы даже сказал «тривиально»), если бы не желание убежать и спрятаться в теплом месте, которое разливалось по телу Степанова всякий раз – не только сейчас, но и раньше! – когда он пытался представить Таню спокойной и счастливой, скажем, лет через пять.

А «Вконтакте» у Таньки – всякое барахло, котики и цветочки. Переписка с Ланой. Губастая девица вместо себя на аватарке. Из важного, пожалуй что, только несколько сообщений от незнакомых Мише парней с предложением встретиться. Парни, как на подбор, блондины в спортивных куртках. В отправленных сообщениях – Танины «ок». Наверное, встречи были. «Пусть Таранта с ними разбирается, – решил Миша, три раза переписывая пароль от Таниной страницы, – Или Мокроусову пусть на них натравит».

Из дома нужно было выходить через 20 минут. Измучившись ожиданием и всякими мыслями, в очередном приступе беспокойства, от которого урчало в животе, Миша отправился в родительскую спальню. Обследовал туалетный столик матери, заваленный тюбиками и баночками. Понюхал все духи, поморщился. Подумал, что никогда не обращал внимания на ее запах. Обнаружил платформу сердечных таблеток на прикроватной тумбочке, там же средство от облысения. Значит, с этой стороны спит отец, и таблетки тоже отцовские.

Посмотрел фотографии на подоконнике: на всех четы-

рех – мать, отец, он; дружная семья. Заметил, что на снимках он всегда посередине, и нет ни одной, где бы мать с отцом держались за руки или как-то иначе касались друг друга. Еще раз посмотрел на кровать. Широкая. Очень широкая. Можно вчетвером улечься и с комфортом выспаться.

Дохаживая-доживая последние бесцельные десять минут, после чего можно уже одеться и выйти из дома, пытаюсь унять дрожь и спазмы в животе, Миша присел на корточки перед очередной тумбочкой (сколько их мать понатыкала!) и открыл нижний ящик.

Зачем он это сделал, он так никогда и не понял. Лазал ли он в этот ящик раньше, не помнил и не вспомнил. Просто открыл – и всё; в те дни, когда Таня исчезла, они все что-то искали.

В ящике лежала прозрачная папка с документами. Миша достал ее, уселся на пол, скрючился поудобнее – живот совсем разболелся – и высыпал бумажки на пол. Копии загранпаспортов, три штуки. Документы на машину, на квартиру, на какой-то дом, еще на какую-то квартиру. Свидетельство о браке. Хм, получается восемнадцать лет в браке, странно. Мишино свидетельство о рождении с пометкой «дубликат». Ну да, Миша помнит, мать рассказывала, что потеряла оригинальное, из сумки выпало, что-то в этом роде. Миша еще тогда удивился, зачем рассказывать – ну потеряла и потеряла, а она настойчиво так говорила: «Потеряла!» – и шампанское глушила. Это было, когда Миша паспорт получал, и они

сидели отмечали.

– Вот ведь сволочь – не потеряла! – громко сказал Миша, так, что подобие эха прокатилось по пустой родительской спальне.

Миша лег на пол, буквально распластался на полу, как в окопе. Он держал в руках другое, оригинальное свидетельство о рождении, где в графе «отец» стоял прочерк. Дубликат, где отцом значился «Степанов Алексей Вадимович», был выдан в том же месяце, что и свидетельство о браке.

Миша подскочил, потом снова плюхнулся на пол.

– Надо же выкидывать улики... – прошептал Миша.

Он не любил своих родителей – ни мать, ни отца. Он считал мать некрасивой и жадной теткой, зацикленной на покрывалах и маникюре. Он видел, как мать заискивает перед статусными подружками, и всякий раз Мишу тошнило. А отца он презирал. Он знал, что отец ненавидит свою работу, но продолжает туда ходить. Знал, что отец подворывает и подсиживает. Про таких, как отец, Миша много читал в книжках еще по школьной программе.

Мише казалось, что своим тихим презрением и нелюбовью он отделяет себя от родителей. Он презирает – значит, он умнее и сильнее. Значит, он больше понимает.

«Больше понимает». А вот и фигушки. Обманули его, Мишу.

Миша медленно поднялся с пола. Швырнул листочек на родительскую кровать. Стукнул по отцовской подушке,

а подушку матери кинул на пол. Заплакал. Посмотрел на себя, плачущего, в зеркало: сморщенный, красный и злой младенец.

Он вытер слезы кулачком. Хлопнул дверью родительской спальни так, что слетела со стены картина и со звоном разбилась.

Все еще хлюпая, он напялил джинсы и свитер. Умыл лицо и даже причесался. Еще раз посмотрел в зеркало.

– Во-первых, у меня нет полной информации. Во-вторых, возможно, это к лучшему: вор и гад – не мой отец, – сказал он своему отражению.

Миша обхватил плечи руками и постоял так. В пересчете на земные минуты он постоял так совсем недолго.

Когда Денис скурил три сигареты подряд, обкусал все ногти и дважды повторил заготовленный текст, явился Миша.

– Двадцать минут! – закричал Денис, – Кто там у нас самый пунктуальный! Еще ведь отрепетировать!

– Все хорошо, – тихо ответил Миша, – Мы же еще ничего не знаем.

Пока они шли к нужному дому, Миша несколько раз, как заводной, повторил: «Все хорошо, мы ведь ничего точно не знаем», – от чего Денис дергался еще больше.

– Чего «ничего»? – в конце концов, спросил он, – Думаешь, Танька к нему сбежала?

Вместо ответа Миша споткнулся на ровном месте, чуть

не упал, потом завис на секунду и удивленно так ответил:

– Понятия не имею! Откуда мне знать?

– А чего трюндишь тогда? – сердито сказал Денис, – И, кстати, где твои очки?

– В смысле? – переспросил Миша.

– Первый раз тебя вижу без очков.

И Степанов, как полный идиот, в самый неподходящий жизненный момент, стал щупать себя за нос и уши. Не обнаружив очков ни на носу, ни за ушами (разумеется!), он вдруг выдохнул, всплеснул руками и визгливо рассмеялся.

– Ты чего, ну что с тобой?! – чуть не плача спросил Денис. Степанов сейчас напоминал бабушку и всех ее подружек разом. *Таким* Денис его никогда раньше не видел.

– А я-то тоже думаю, что со мной! – заголосил Миша, усилив ассоциации с бабушками, – Думаю, что мутно все перед глазами, и голова кружится? Очки забыл! О май гад.

В довершение сцены Миша кинулся жать Денису руки, полез обниматься, да так крепко стиснул, что Денис невольно подумал: «Сильный мужик».

– Всё, пришли, – хмуро сказал Денис, отбрыкавшись от нежностей, – Ты как?

– Спокоен и бодр, – ответил Миша.

Денис посмотрел на него пристально: да, вроде бы действительно опять нормальный, руки не заламывает, в бабулю не играет. Что ж за истерика была на почве очков...

– Пожалуйста, стань нормальным злым Степановым, –

на всякий случай попросил Денис.

– Без проблем.

Ну вот, наконец-то: старая добрая Мишина ухмылочка «Я один умный, все дураки», кулаки в карманах и такой как бы уставший взгляд юного горожанина.

– Молодец, – похвалил Денис, – Ладно. Я предлагаю начать так...

Танин голос

...Мы были в Париже весной. Он встретил меня на углу нашего дома и большой улицы, мы сели в такси с кожаными сиденьями, попили шампанского по пути в аэропорт, а там – сели в самолет и полетели в Париж. Весенний Париж. Я полетела в Париж почти без вещей, он сказал: там купим. Я была в новом, темно-зеленом в мелкий горошек, платье и с новой прической. Лететь было страшно, но он меня все время целовал, обнимал и говорил, как меня любит и какая я красивая. От этого, конечно, я меньше боялась и улыбалась. В самолете мы тоже попили шампанского, и все на нас оглядывались, потому что мы все время обнимались и хохотали.

В Париже он заказал отель. Рядом с Елисейскими полями и Эйфелевой башней. От Монмартра тоже недалеко. С видом на Сену. И на Лувр. Магазины недалеко. Он сказал, что это идеальное место: и музеи, и магазины под боком. Потом дал мне банковскую карточку и сказал, что я могу ей пользоваться, хоть шубу могу купить. Я рассмеялась и сказала, что шубу я точно покупать не буду, но спасибо, что-нибудь куплю, спасибо за щедрость. Честно говоря, я не знаю, как нужно реагировать, когда любимый мужчина, возлюбленный, дает банковскую карточку. Я к этому не привыкла.

Тот другой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.